

УДК 72(093)(574.1/2)

DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11042

Ажигали С.Е.

Очерк истории изучения памятников народного зодчества, «древностей и развалин» Арало-Каспийского региона в досоветский период (до середины XIX в.)

Часть 2. От дипломатической миссии А.Ф. Негри 1820 – 1821 гг. до образования Русского Географического общества¹

Ажигали Серик Ескендирулы, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этнологии и антропологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН Республики Казахстан (Алматы), член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-6209-4618>

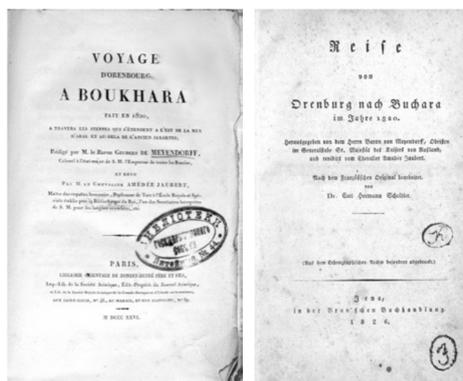
E-mail: serik-e-azhigali@j-spacetime.com; s.azhigali@gmail.com

Статья посвящена истории изучения недвижимых памятников истории и культуры Арало-Каспийского региона, прежде всего, народного зодчества казахов в досоветский период. Во второй части работы представлен анализ российских источников 1820 – начала 1840-х гг., содержащих сведения по истории, этнографии и архитектурным памятникам региона.

Ключевые слова: памятники народного зодчества; «древности и развалины»; Арало-Каспийский регион; памятниковедение; кладбища; мавзолеи; российские исследователи.

Барон Егор (Георг) Казимирович Мейендорф (Georg Wolter Konrad von Meyendorff, 1795–1863), участник Отечественной войны 1812 года, российский натуралист, этнограф, топограф

Титульные листы первых французского (слева) и немецкого (справа) изданий «Путешествия из Оренбурга в Бухару» барона Е.К. Мейендорфа (*Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820 Rédigé par le Baron G. de Meyendorff, Paris, 1826; Reise von Orenburg nach Buchara, Berlin, 1826*)

Неудача торгово-дипломатической миссии начала XIX в., конечно, не могла не повлиять на ход российских изысканий и экспедиций, которые в рассматриваемом регионе на некоторое время приостановились. Исследования в Приаральском районе были возобновлены в 1820–1821 гг. в ходе дипломатической миссии А.Ф. Негри² из Оренбурга в Бухару, участники которой по пути следования экспедиции отмечали, в частности, отдельные, встретившиеся им казахские памятники. Капитан Е.К. Мейендорф описывает кладбище с мавзолеем, или мавзолеями, у оз. «Ходжа-куль» (к северу от современного г. Шалкара), причем

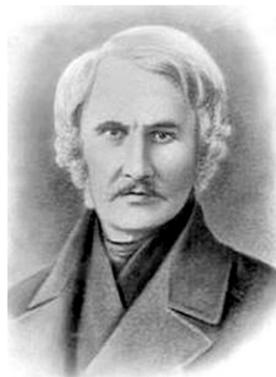
¹ Продолжение. Начало см.: Ажигали С.Е. Очерк истории изучения памятников народного зодчества, «древностей и развалин» Арало-Каспийского региона в досоветский период (до середины XIX в.). Часть 1. От ранних сведений о памятниках кочевов Арало-Каспия до экспедиции Я.П. Гавердовского 1803–1804 гг. // *Пространство и Время*. 2017. № 2–3–4(28–29–30). С. 108–127.

² Александр Фёдорович Негри (1784–1854) – российский дипломат, историк, переводчик с восточных языков, археолог и научный писатель, вице-президент Одесского общества истории и древностей. (*Прим. ред.*)

отмечает, что некоторые памятники сооружены из «гончарной глины», то есть из обожженного кирпича¹, и указывает, что «ближе к Сырдарье памятников становится все больше, они образуют кладбища, похожие на города»². Интересна информация автора о приглашении богатыми казахами «архитекторов из Бухары для сооружения могил из гончарной глины, они довольно прочны из-за сухости климата». (Отметим, что традиция призвания мастеров с юга, из Средней Азии, в том числе каракалпаков, для работ в мемориальном строительстве, у казахов Северного Приаралья сохранялась в течение XIX в., наряду с развитием местных традиций зодчества). Другой участник данной экспедиции натуралист Э.А. Эверсманн отмечает один интересный памятник на речке Тамбутак (?), которая впадает в Илек³ – «могилу одного татарского князя» – и вкратце описывает его⁴. Приводя общие параметры четырехугольного сооружения (видимо мавзолея – до 4,5 м в стороне и 3 м высоты), автор обращает внимание на конструкцию его стен: внутренняя кладка из сырцового кирпича, наружная – из жженого.

Для рассматриваемой нами темы немалый интерес представляют также т.н. «Караван-записки» ростовского купца Ефграфа Кайдалова – начальника торгового каравана, который в 1824 г., под прикрытием значительного вооруженного отряда (полковник Циолковский и подполковник Аничков), направлялся из Оренбурга в Бухару, но вследствие серьезного нападения хивинцев в песках Кызылкум вынужден был вернуться обратно в начале следующего года. Маршрут Кайдалова пролегал из Оренбурга на юго-восток к Аральскому морю, нижней Сырдарье, затем на юг по пескам Кызылкум, откуда из местности Бестобе – обратно (вне отряда): через нижнюю Сырдарью на север, до Троицка. В путевых записках, изданных в 3-х частях⁵, любознательный путешественник отмечает ряд встретившихся на пути памятников – как «киргизских», так и более древних; фиксирует некоторые моменты, касающиеся казахской этнографии, в том числе погребально-поминального обряда⁶.

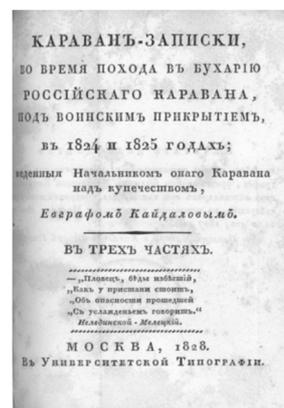
В частности, на Илеке (севернее совр. г. Актобе) Кайдалов упоминает «могилу Тюш-Пулата-Чикей-Утяны» (в газетной публикации: Таш-Пулата-Чекчи-Утяпы-мула; то есть, видимо: Тасболат Шекты Отеп-мола). Здесь же отмечает, что после смерти одного из проводников-казахов последнего захоронили на близлежащей горе, что является характерной особенностью погребального обряда степняков, и, как пишет автор, основой «географии киргизцев» – могилы на возвышенностях «служат указателями пути»⁷. Похоронно-поминальной обрядности казахов он вскользь касается и далее: при описании встретившегося траурного «коша», впереди которого ехали верхом (видимо) дочь умершего мужчины, с черным знаменем на пике, и его вдова; и при упоминании поминок-аса, проводившихся в не совсем обычное время (в конце марта)⁸.

Эдуард Александрович Эверсманн (Eduard Friedrich Eversmann, 1794–1860), российский натуралист, ботаник, зоолог, этномолог, врач, путешественник

Титульный лист первого (немецкого) издания «Путешествия из Оренбурга в Бухару» Э.А. Эверсманна (Reise von Orenburg nach Buchara, Berlin, 1823)

Титульный лист «Караван-записок» Е. Кайдалова (Москва, 1828)

¹ По контексту источника не ясно количество мавзолеев на этом кладбище: один («могила ходжи») с несколькими надгробиями («гробницами») или же несколько мавзолеев – в том числе «из гончарной глины, смешанной с рубленой соломой», то есть из жженого кирпича (?).

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. С. 34.

³ Возможно, это река Тамды, впадающая в Илек южнее совр. Актобе, но не исключено, что и речка Бутак, впадающая в реку Каргалы, недалеко от слияния последней с Илеком.

⁴ См.: Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910. (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии; Вып. 22). С. 74.

⁵ См.: Кайдалов Е. Караван-записки, во время похода в Бухарию Российского каравана, под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах, веденные начальником одного каравана над купечеством Евграфом Кайдаловым: В 3 ч. М., 1827–1828.

⁶ Необходимо отметить, что в кратком виде «Записки» автора, под неточной фамилией Кайданова, в форме дорожного дневника (итинерария), обнаруженного много позже (как указано в публикации «совершенно случайно приобретенного»), были опубликованы в газете «Оренбургский край» в 1894 г. (см.: Записки Ефграфа Кайданова // Оренбургский край [газета]. 1894. № 179, 180, 182).

⁷ Кайдалов Е. Караван-записки... Ч. 1. С. 68–71.

⁸ Там же. Ч. 3. С. 18–22, 66–67. Возможно, это были не годовичные поминки, которые, как правило, проводятся в конце лета – осенью.

Е. Кайдалов так же, как и предшественники, обращает внимание на казахские кладбища в низовьях Сырдарьи, «архитектурой достойные примечания», одно из которых описывает так:

«...тут представлялось нам множество могил, кои странным своим Готическим зодчеством обращали внимание. Они устроены большей частью из необожженного кирпича; некоторые со сводами, с башнями и с зубчатыми наподобие крепостей стенами. Важнейшие из них суть могилы некоего *Кара-Кубека*, богатыря, и его брата...».

Зарисовка юртообразных сырцовых мавзолеев, оград и надгробий с авантитула издания путевого дневника Е. Кайдалова

В путевом дневнике автор отмечает, что с последних им «снят рисунок», который был опубликован на авантитуле его книги, с подписью: «Могилы на берегах реки Сыр-Дарьи»¹. Зарисовка свидетельствует о разнообразии надмогильной архитектуры казахов: видны юртообразные сырцовые мавзолеи типа «үйтам», крупные архитектурные ограды типа «төрткүлак», стрельчато-сводчатые надгробия «сағана» и др..

Путешественник фиксирует также отдельные памятники и за Сырдарьей, на пути в Кызылкумы. Так, в урочище Карак, в месте переправы через р. Куандарью он описывает достаточно крупный культовый (культово-жилищный)

комплекс, возведенный из сырцового кирпича и состоящий из окруженного высокой стеной большого двора с жилищами, мечетью – видимо с мектебом-медресе. Автор обращает внимание на архитектуру построек, выполненных «в бухарском вкусе», «пространную мечеть со сводами», которые перекрывались с использованием дерева – саксаула. Держатель мечети (мулла), исключительно благочестивый и авторитетный человек, носивший титул «ходжи», окончил курс религиозных наук в Бухаре и пользовался огромным уважением среди казахов².

Целый ряд памятников археологического характера отмечает Кайдалов южнее, на реке Жанадарье (уже на обратном пути): «развалины города с разрушенными зданиями и множеством битой посуды»; «остатки водопроводов из реки с глубокими бассейнами», а также развалины в местности Арбакалган (где хивинцы в недавнем прошлом одержали победу над каракалпаками)³. Особое внимание путешественника привлекают «огромные развалины или род монастыря» под местным названием «Хожа-там» (Кожатам), обнесенные «правильной стеной», с расположенными внутри «остатками храма, имеющего в длину 50, а в ширину 30 сажень», «покоюми со сводами» и «огромной башней» в центре обширной площади⁴. Очевидно, здесь мы имеем дело с двумя крупными древними памятниками на сухом русле Жанадарьи и ее протоков: городищами Чирик-рабат (Ширикрабат) – в первом случае и Бабиш-мулла – во втором.

Некоторые разрозненные данные о памятниках Приаральского региона содержатся и в более поздних записках о поездках из Орска в Бухару П.И. Демезона, И.В. Виткевича⁵ (середина 1830-х гг.), воспоминаниях И.Ф. Бларамберга (1840-е гг.). В частности, у Демезона, наряду с попутным упоминанием «могил Ямбар-Оба и Джан-бура» и др., говорится о казахских памятниках в Восточном Приаралье: «развалины у колодцев Серти-Там» на высохшем русле р. Жанадарьи (видимо, мавзолей Сырлытам), «могила святого Кара-Ата» (= Карак-ата) в 150 верстах от Бухары; и, кстати, обращается внимание на наскальные рисунки – «изображения людей, повозок и лошадей» – в горах Букантау⁶. Виткевич также отмечает святое место Карак-ата и косвенно свидетельствует о существовании к северу от дельты Сырдарьи загонных сооружений – «аранов» – для охоты на копытных⁷.

¹ См.: Там же. Ч. 1. С. 108–109; Записки Ефграфа Кайданова... № 179.

² См.: Кайдалов Е. Караван-записки... Ч. 2. С. 5–8.

³ См.: Там же. С. 104–105, 108–110.

⁴ Там же. С. 110–112.

⁵ Пётр Иванович Демезон (Desmaisons, 1807–1873) – российский филолог-ориенталист итало-французского происхождения, исследователь Средней Азии; Иван (Ян) Викторович Виткевич (Jan Prosper Witkiewicz, 1808–1839) – российский востоковед польского происхождения, путешественник, первый посланник России в Кабуле. (Прим. ред.).

⁶ См.: Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М.: Наука, 1983. С. 28, 30, 32, 33, 34, 53, 54.

⁷ Там же. С. 86, 118, 125.

В материалах Бларамберга мы тоже находим отдельные упоминания «киргизских могил», среди которых отмечены некоторые памятники в ыргызско-торгайском районе – кладбище Жармола ок. будущего форта Иргиз; мавзолей с росписями севернее слияния рек Ыргыз и Торгай, в районе Нуринских озер, о котором он пишет:

«...мы наткнулись на большое сводчатое киргизское захоронение, на стенах которого внутри обнаружили грубую цветную роспись, изображавшую группу лошадей, верблюдов, людей и домашний скarb...»¹.

(Несколько ниже мы еще раз коснемся деятельности этого исследователя относительно территории Восточного Прикаспия).

Необходимо отметить, что на степные памятники обращают внимание также военные, чиновники, представители провинциальной интеллигенции на местах. Свидетельством этого является упоминавшееся нами в первой части данной публикации издание в 1822 г. Г.Ф. Генсом² (в тот период начальником инженеров Отдельного Оренбургского корпуса) материала о памятниках Казахской степи из Гавердовского³. Примечательно также, что уроженец Оренбуржья известный литератор, историк и фольклорист П.М. Кудряшов в письме редактору «Отечественных записок» П. Свиныну (написанном в 1825–26 гг.) в образной форме сообщает о замечательном «храме или капище», расположенном в 100–150 верстах от крепости Степной (речь, как видно, идет об упоминавшемся уже мавзолее Кесене на востоке совр. Челябинской области). Основываясь на сообщениях местных линейных жителей, автор отмечает, что «...храм, построенный из дикого камня, начал уже разрушаться, но сохранил весь наружный вид и внутреннее расположение свое» и, как бы, задается вопросом необходимости изучения истории этого незаурядного памятника⁴.

Как отмечалось, другим узловым ареалом территориальных изысканий в данный период являлся находившийся под влиянием Хивинского ханства манкыстау-устюртский район, где в первые десятилетия XIX в. также осуществлялись экспедиции военных и др. ведомств, сыгравшие важную роль в фиксации отдельных недвижимых памятников этого пустынного пространства. Но прежде чем говорить об исследованиях межаралокаспийского района в этот период, следует остановиться на изысканиях прибрежной части Восточного и Северо-Восточного Прикаспия, которые проводились хронологически раньше. Это, в первую очередь, осуществлявшиеся в 1809–1817 гг. работы штурмана А.Е. Колодкина⁵ по подготовке «Атласа Каспийского моря», изданного в 1826 г. (один экземпляр его хранится в Отделе картографии/Доме Пашкова Российской государственной библиотеки⁶). Атлас имеет определенное зна-

Иван Федорович (Иоганн) Бла-рамберг (1800–1878), российский военный топограф, генерал-лейтенант, директор Военно-топографического депо, управляющий Военно-топографической частью ГУ Главного штаба – Начальник Корпуса военных топографов

Обложка «Военно-статистического обозрения земель киргиз-кайсаков Внутренней (Бухаревской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте» И.Ф. Бларамберга (СПб., 1848)

Титульный лист «Атласа Каспийского моря» А.Е. Колодкина (Москва, 1826)

¹ Бларамберг И. Воспоминания. М.: Наука, 1978. С. 234, 241, 272.

² Генс Григорий Федорович (1782–1845) – военный инженер, генерал-майор, географ, историк, этнограф, востоковед, участник многочисленных экспедиций по изучению Оренбургского края. Начальник инженеров Отдельного Оренбургского корпуса, начальник Оренбургского кадетского корпуса, председатель Оренбургской пограничной комиссии. (Прим. ред.).

³ См.: [Генс]. Г. Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. (Извлечение из Обозрения Киргиз-Кайсацкой степи Г.Г.) // Сибирский вестник. 1822. Ч. 20. С. 141(321)–148(328).

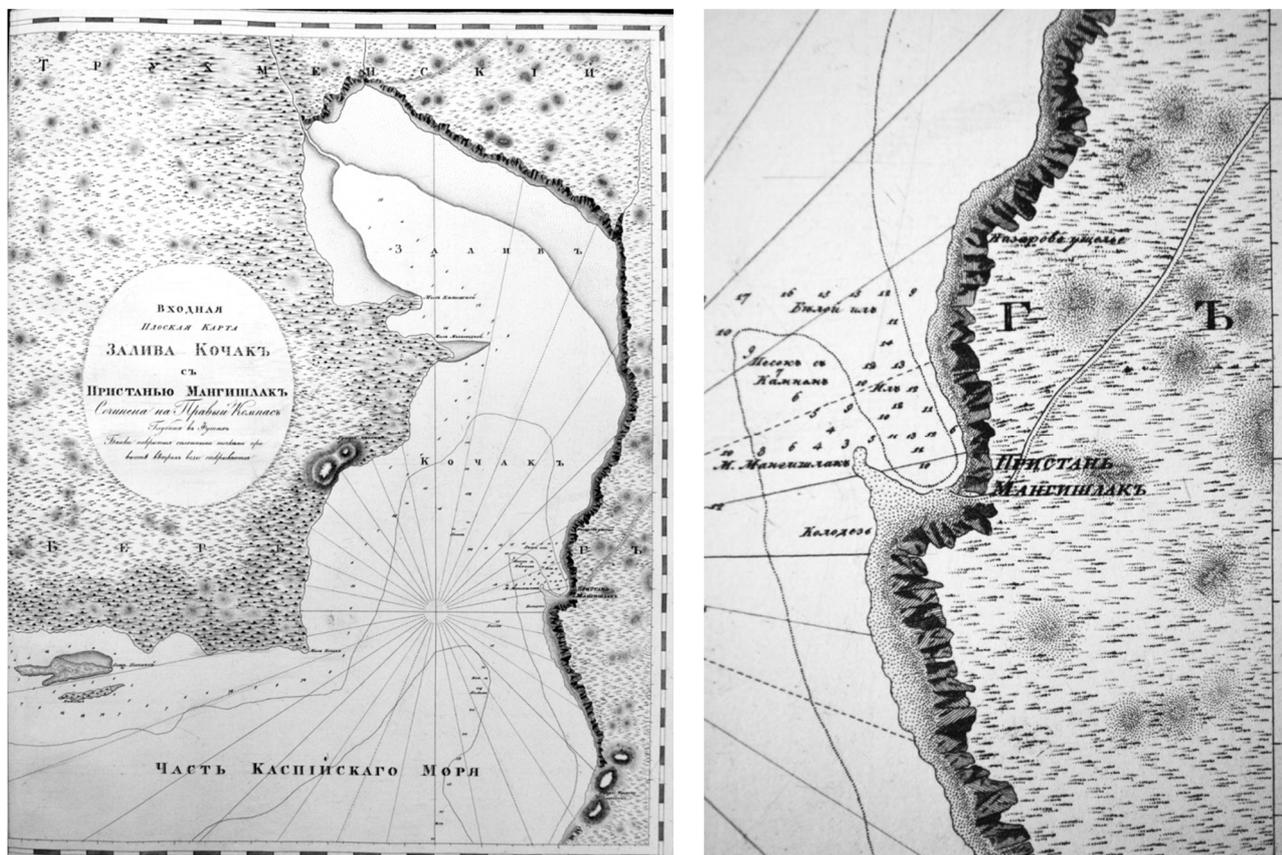
⁴ См.: [Свинын П.]. Петр Михайлович Кудряшов, певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей Киргиз-Кайсацких. (С публ. письма Кудряшова Свиныну) // Отечественные записки. 1828. № 100. С. 159–161.

⁵ Колодкин Алексей Емельянович (1776–1851) – картограф, впоследствии генерал-майор, начальник чертежной Гидрографического департамента. (Прим. ред.).

⁶ Колодкин [А.Е.]. Атлас Каспийского моря. Сочинен при Чертежной Государственного адмиралтейского департамента с описи и астрономических наблюдений, произведенных с 1809 по 1817 год штурманом 8-го класса и кавалером Колодкиным. М., 1826.

чение для нашей темы, поскольку на картах, где показаны прилегающие к морю указанные пространства, отмечены и некоторые историко-культурные объекты.

Не останавливаясь здесь детально на анализе этого специфического источника, отметим, что наиболее важной и оригинальной нам представляется картографическая фиксация «залива Кочак с пристанью Мангишлак» на восточном побережье Каспия, которая является своего рода уточнением местонахождения знаменитой пристани, существовавшей с эпохи раннего средневековья (л. № X). А именно, в южной части этого залива в характерной бухте, северный конец которой завершается «мысом Мангишлак».

«Атлас Каспийского моря», л. X «залив Кочак с пристанью Мангишлак» (слева) и фрагмент л. X с изображением южной части этого залива в бухте, северный конец которой завершается «мысом Мангишлак» (справа)

При этом к востоку от пристани отмечено «Назарово ущелье», что, видимо, свидетельствует о равнозначности известной Назаровской пристани русских источников конца XVII в. и старой «пристани Мангишлак», на что в свое время указывал еще историк А. Чулошников¹. Отметим, что на другом, более крупном по масштабу, листе (№ III) Атласа рассматриваемое местонахождение поименовано как «залив Мангишлак и пристань Сарташ»; однако, последний объект, судя по контексту исследования вышеуказанного автора, идентифицируется с Караганской пристанью, размещавшейся западнее² (т.е. в соседнем заливе Сарыгас). К этому также добавим, что к «пристани Мангишлак» с юго-востока подходит дорога – конечный отрезок торгового пути из Хивы в Мангышлак.

Наряду с этим следует отметить, что в атласе Колodka на прилегающих к восточному и северному Каспию пространствах отмечены и некоторые другие историко-культурные объекты, которые, однако, по большей части общеизвестны (город/крепость Гурьев, «кр. Сорочиковская») либо заимствованы с сухопутных карт того времени. Имеем в виду группу памятников, объектов в Северо-Восточном Прикаспии на «нитке» караванной трассы с низовьев Урала на Устюрт, а также на средней Эмбе и южнее (л. № II атласа), которые, в частности, помещены на более ранней (по своей основе) «Карте части Средней Азии...», изданной в 1816 г., и анализ которой мы даем несколько ниже.

¹ Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII веках // Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Труды Историко-археографического института и Института востоковедения. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л.: Изд. АН СССР, 1932. С. 77.

² Там же. С. 75, 76.

В связи с вышеизложенным уместно также упомянуть здесь о двух путешествиях Н.Н. Муравьева 1819–1821 гг. в южную часть Восточного Прикаспия¹. При первой своей экспедиции (с посещением Хивы) он отмечает некоторые памятники к востоку от Красноводского залива, вдоль русла Узоя: в частности, «кладбище с изваяниями не туркменской работы» ок. кол. Сюйли или пять пещер в обрыве Устюрта в урчище Беш-дишик². Кроме того, в другой части своих «Записок» – опубликованных позднее в «Русском архиве» (1888, № 1–3) – Муравьев отмечает еще одну примечательную (и, как видно, обустроенную) пещеру на восточном берегу Каспийского моря: в районе основанного им Вознесенского укрепления, в м. Кайпата. Происхождение ее путешественник считает «очень древней» (но «не туркменской», а возможно даже русской, времен Бековича-Черкасского)³. (Как нам представляется, эта «пещера» чем-то напоминает известные аналогичные памятники – небольшие «подземные мечети» Манкыстау и Западного Устюрта⁴).

В этом же районе Н.Н. Муравьев отмечает еще два памятника, связанные с экспедицией Бековича. Это, в первую очередь, расположенная на берегу Узоя некая загадочная постройка в виде «деревянной избы на подобие русских изб, о построении коей старики [туркмены] от своих отцов по преданию ничего не знают» и которую местные жители до сих пор «не смеют ломать ... боясь приступить к ней, как к какойнибудь святыне». Путешественник предполагает, что изба построена во время вышеупомянутой экспедиции, то есть за 100 лет до этого⁵. Он также посетил остатки «Красноводского укрепления», возведенного в 1816 г. Бековичем-Черкасским, и дал его краткое описание:

«...Укрепление было довольно обширно и могло содержать до тысячи человек. Впереди оно сделано была пристройка, род кронверка [вала, дополненного наружными бастионами – С.А.]; места для 3 орудий очень приметны в бастионах ... все укрепление построено без камня, но внутри видны обломки жженных кирпичей и черного камня ... когда [я] стал рыть в передовом кронверке, то нашел кладбище. Мертвых зарывали без гробов, но яму обставляли высокими кольями, которые с боков забирали досками... В одной могиле я нашел медную пуговицу и грош или денежку»⁶.

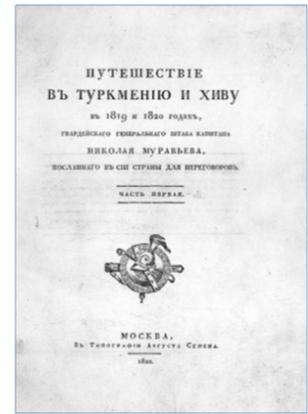
Аналогичное описание этой крепости находим позднее и у Бларамберга (см. ниже).

В области Устюрта одной из первых и наиболее значительных была крупная военно-научная экспедиция 1825–1826 гг. под начальством полковника Ф.Ф. Берга, которая зафиксировала отдельные сооружения древности в северной части плато и на прилегающих северо-западных территориях (крепость Даулеткерей, комплекс Таскешу и др.). Относительно первого памятника, являвшегося одним из конечных пунктов экспедиции, дается его краткое описание и отмечается, что казахи неверно приписывают создание «древнего замка Давлет-Гирей» Бековичу-Черкасскому. Второй объект – представляющий собой место известной обустроенной переправы через р. Сагыз с остатками каравансарая – описан, впервые после Гербера, участником изысканий натуралистом Э. Эверсманном:

«...На том месте, где сделан был прежде через речку каменный мост, находится ныне с обеих сторон съезд и подъем. Болотистое дно выложено здесь камнями, для соделания возможным перехода

Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866), участник Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода, Русско-персидской (1826–1828), Русско-турецкой (1828–1829) и Кавказской войн, генерал от инфантерии, дипломат, путешественник

Титульный лист первого издания первой части «Путешествия в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, Гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров» (Москва, 1822)

¹ См.: Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, Гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров: В 2 ч. М., 1822.

² См.: Берг Л.С. История исследования Туркмении // Туркмения. Т. 1. Л.: АН СССР, 1929. С. 93, 94.

³ Описание этого места «Записок» приводим по изложению историографа экспедиции последнего И.Г. Безгина (Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу. (1714–1717 гг.). Библиографическая монография. СПб., 1891. С. 47–49).

⁴ Локализация пещеры, видимо, подтверждается наличием на топокартах (лист К-39-XXXV) топонима Койбатты (кол.) к западу от г. Красноводска/Туркменбаши.

⁵ Цит. по: Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция... С. 46.

⁶ Цит. по: Берг Л.С. Указ. соч. С. 95–96.

Граф Федор Федорович Берг (Friedrich Wilhelm Rembert von Berg, 1794–1874), генерал-фельдмаршал, российский дипломат, географ, топограф

Некрополь в Бейнеу, упомянутые Э.А. Эверсманном в отчетах экспедиции Ф.Ф. Берга 1825–1826 гг. Современный вид. Фото с сайта <http://www.silkado.com/ru/node/1553>

караванов. Вероятно, мост, о котором рассказывают, построен был в то время, когда Сарайчик считался знаменитым местом татарского владычества [т.е. эпохи Золотой Орды – С.А.]. Неподалеку от места нашей переправы находится много киргизских могил, которых великое множество рассеяно по всей степи. Они сделаны из глины, и только в случае соседства татарских могил, выкладываются из кирпича...»¹.

Отметим также, что в журнале одного из отрядов экспедиции, по северному побережью Каспия, упоминается большое кладбище «Зеленая Кирка» (Қырка? = возвышенность), на котором имеется много деревянных срубов (мавзолеев-беседок) и один из них – «над могилой султана Шигаю, дяди хана Джигара (т.е. Жангира)»; в соседнем кордоне Коневском имеется и зимний дом этого султана².

Эдуард Иванович (Карл Эдуард) Эйхвальд (Karl Eduard von Eichwald, 1795–1876), российский естествоиспытатель и палеонтолог

Первая страница статьи Э.И. Эйхвальда «Путешествие профессора Эйхвальда к Каспийскому морю и по Кавказскому краю» («Библиотека для чтения», 1838, т. 26)

В отчетах экспедиции приводятся некоторые важные этнографические сведения, касающиеся мемориально-культурных памятников – в частности, тот же Эверсманн, характеризуя известный комплекс (некрополь) в Бейнеу с «пещерой»-мечетью, впервые в литературе приводит данные о деятельности религиозного просветителя Бекета Мырзагулулы:

«Строитель сей пещеры был некто богатый, набожный киргизец ... которому в честь названа она обитателю благочестивого Бекета. Таких памятников, как говорят, соорудил он в жизнь свою четыре: другой находится неподалеку Мангишлака; третий – вверх по Эмбе, четвертый – у Баяли, в соседстве Аральского моря. Он жил в них попеременно в течение четырех времен года... Сей странный отшельник умер за 12 лет перед сим [т.е. около 1814 г. – С.А.]»³.

В целом упоминания различных памятников (могил, кладбищ, колодцев), в том числе именных, разбросаны во многих документах экспедиции – и, в частности, в «Журнале записей показаний проводников».

В эти же годы циркумкаспийское путешествие совершил естествоиспытатель Эдуард Эйхвальд, который обследовал отдельные места восточного побережья Каспия, и, в частности, в районе Тюп-карганского мыса отметил старую туркменскую (по его мнению) крепость и кладбище⁴. Кроме того, по словам местных кочевников, «...там, где теперь бухта Караган, был прежде довольно значительный город, погибший лет за шесть сот при наводнении [т.е. повышении уровня Каспия – С.А.]». А в

¹ Цит. по: Первые русские научные исследования Устюрта: Сб. материалов / Отв. ред. акад. А.Л. Яншин, Л.А. Гольденберг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 103, 213; 162.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 145.

⁴ См.: [Эйхвальд]. Путешествие профессора Эйхвальда к Каспийскому морю и по Кавказскому краю // Библиотека для чтения. 1838. Т. 26. (Январь–февраль). С. 141.

12 дней пути в сторону «Мангышлака» (пристани) «стоял некогда город Айкарлы; но и он исчез совершенно». Эйхвальд также сообщает, что в период экспедиции (лето 1825 г.) наблюдалось обмеление/понижение уровня моря и поэтому прежняя пристань Мангышлак (в заливе Кочак) уже давно не функционировала и удобным «якорным местом» являлся «залив Тюккараган»¹.

Весьма интересные и ценные данные о кладбищах казахов и туркмен восточного побережья Каспия, а также сведения в целом по погребальному культу были собраны в 1832 г. Г.С. Карелиным в связи с обследованием северо-западной оконечности Устюрта, где было запланировано создание Ново-Александровского укрепления (Кызылтас). Материалы путешествия впервые отрывочно были опубликованы в 1834 г. в издании «Заволжский муравей», но без указания авторства², и уже полностью значительно позднее (после смерти исследователя): в «Записках РГО» в 1883 г.³ Карелин специально посетил и впервые довольно подробно описал уникальный некрополь Сисем-ата. Он, в частности, отмечал:

Григорий Сильч Карелин (1801–1872), естествоиспытатель, путешественник, исследователь Западного Казахстана, восточной части Каспийского моря, Семиречья и верхнего течения Иртыша и его притоков

Обложка (слева) и титульный лист (справа) полной посмертной публикации труда Г.С. Карелина «Путешествия Григория Сильчи Карелина по Каспийскому морю» (Записки Императорского Русского географического общества по общей географии, т. 10, С.-Петербург, 1883)

«...Место сие названо по имени великого магометанского угодника Сяй-Исем, и почитается святейшим. Длина кладбища с Севера на Юг более 300 сажен: равнина усеяна бесчисленными памятниками, гробницами и камнями. Многие из них довольно обширны и устроены наподобие часовни от 2½ до 4 сажен вышиною...».

И далее:

«... Одни камни лежат горизонтально, другие стоят торчмя, а при некоторых могилах находились и те и другие. Большие памятники воздвигнутые наподобие часовни складены из плитняка, а другие из кирпичей необожженной глины. Лучшие гладко вымазаны глиной смешанной с известью или мелом. Весьма многие монументы росписаны зеленой, красной и желтой красками. Подписи вообще красивы. Нельзя исчислить разнообразия сих надгробных камней и памятников...»⁴.

Исследователь обратил внимание на наиболее крупные, «замечательные по своей величине и фасадам» памятники (т.е. мавзолеи), из которых два срисовал; отметил также разнообразные рисунки, эпитафии (арабографичные) на надгробиях. Сведения Г.С. Карелина имеют значение для современного исследования комплекса Сисем-ата и, в частности, решения вопроса о местонахождении могилы эпонима.

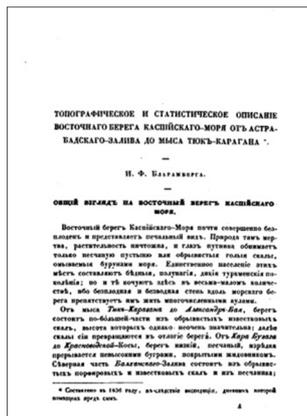
Определенный интерес представляют и материалы морской экспедиции Г.С. Карелина 1836 г., в том числе вдоль восточного побережья Каспия, в которой участвовал и капитан И.Ф. Бларамберг. В отчетных материалах последнего имеются некоторые данные о прибрежных памятниках, но южнее Мангышлака. Так, в районе впадения русла Узбоя в Каспий он отмечает: на южном рукаве Аждаиб – некий памятник в виде почитаемой туркменами «старинной деревянной избы, построенной неизвестно кем, и которую никто не отваживается уничтожить»; на северном протоке, впадающем в Балханский залив, – караульную башню *Кулеар-Сенгур*, а также «на вершине бугра другое здание», принадлежащее святому старцу «*Ших-Мустафа*» и около которого, как видно, располагалась кладбище и остатки

¹ См.: Там же. С. 142.

² См.: Отрывок из путевых записок по северо-восточным берегам Каспийского моря // Заволжский муравей. 1834. Ч. XI. № 2. С. 228–244. Поэтому в монографии по дореволюционной русской печати К. Кереевой-Канафиевой автор публикации указан как анонимный (см.: Кереева-Канафиева К. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Из истории русско-казахских литературных связей. Алма-Ата, 1963. С. 184), хотя для нас авторство Карелина здесь вполне очевидно: как по самому названию статьи, так и по ее содержанию.

³ См.: Карелин Г.С. Путешествия Григория Сильчи Карелина по Каспийскому морю. СПб., 1883. (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по общ. географии. Т. 10).

⁴ Там же. С. 490, 491.

Первые страницы двух отчетов И.Ф. Бларамберга: слева – «Журнал, введенный экспедицией для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 г.», справа – «Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган» (оба – в «Записках Императорского Русского географического общества, 1850, кн. IV)

Отмечается, что «на поверхности земли видно здесь еще много остатков, свидетельствующих о пребывании русских, как то: обломки кирпичей, стекол, уголь и проч.; в земле же на кладбище отыскиваются человеческие кости, гробовые доски, ржавые железные вещи, ядра, кремни, медные пуговицы и проч.». Автор указывает, что образовавшееся довольно обширное кладбище при укреплении (функционировавшем, фактически, не более 2-х лет) свидетельствует о нездоровости климата местности и большой смертности в гарнизоне³.

Титульный лист первого (немецкого) издания «Воспоминаний» И.Ф. Бларамберга (*Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg, Berlin, 1872*)

Следует отметить, что позднее И.Ф. Бларамберг косвенно еще раз касается памятников восточно-прикаспийского района – а именно, в части своих «Воспоминаний» (о которых мы уже говорили выше), относящихся к периоду его работы по обследованию обширного Оренбургского края: 40-е – середина 50-х гг. XIX в. Автор кратко останавливается на характере руководимых им топографических съемок в Казахской степи, которые включали, наряду с геодезическими работами, также и попутную фиксацию обнаруженных «древностей, могил, построек». И, в частности, указывается что «в 1855 г. на Устюрте было найдено и зарисовано в натуральную величину множество опрокинутых статуй частично поврежденных, неизвестной эпохи»⁴.

Как уже отмечалось, с расширением географических исследований, колонизационных изысканий в Казахской степи стали появляться различные картографические материалы, в которых находили отражение и сведения о размещении памятников на территории Арало-Каспия. В частности, одной из таких оригинальных карт является «Карта части Средней Азии, содержащая земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, тухменцев и бухарцев...» (1816 г.), хранящаяся в Отделе картографии Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге⁵.

земляных стен¹. Исследователь приводит описание последнего памятника:

«...род мечети, выстроенной из желтого необожженного кирпича; купол ее выведен очень искусно, а пол покрыт большими плитами; внутри есть шесть надгробных памятников; на главном из них накиданы рога аркара..., различные лоскутки, тряпки, обрывки материи и арабские письмены на клочках бумаги. Строе-ние это четырехугольное, с нишами, имеет двери, окна, около 4 саж. в поперечнике, столько же в вышину, и снаружи выштукатурено...»², –

из которого видно, что это был крупный купольный мавзолей: видимо, шейха Мустафы.

Кроме того, экспедиция также посетила остатки крепости, возведенной в 1716 г. Бековичем-Черкасским на косе Красноводского залива, которая, по описанию Бларамберга, имела вид кронверка и было рассчитано на 1000 чело-

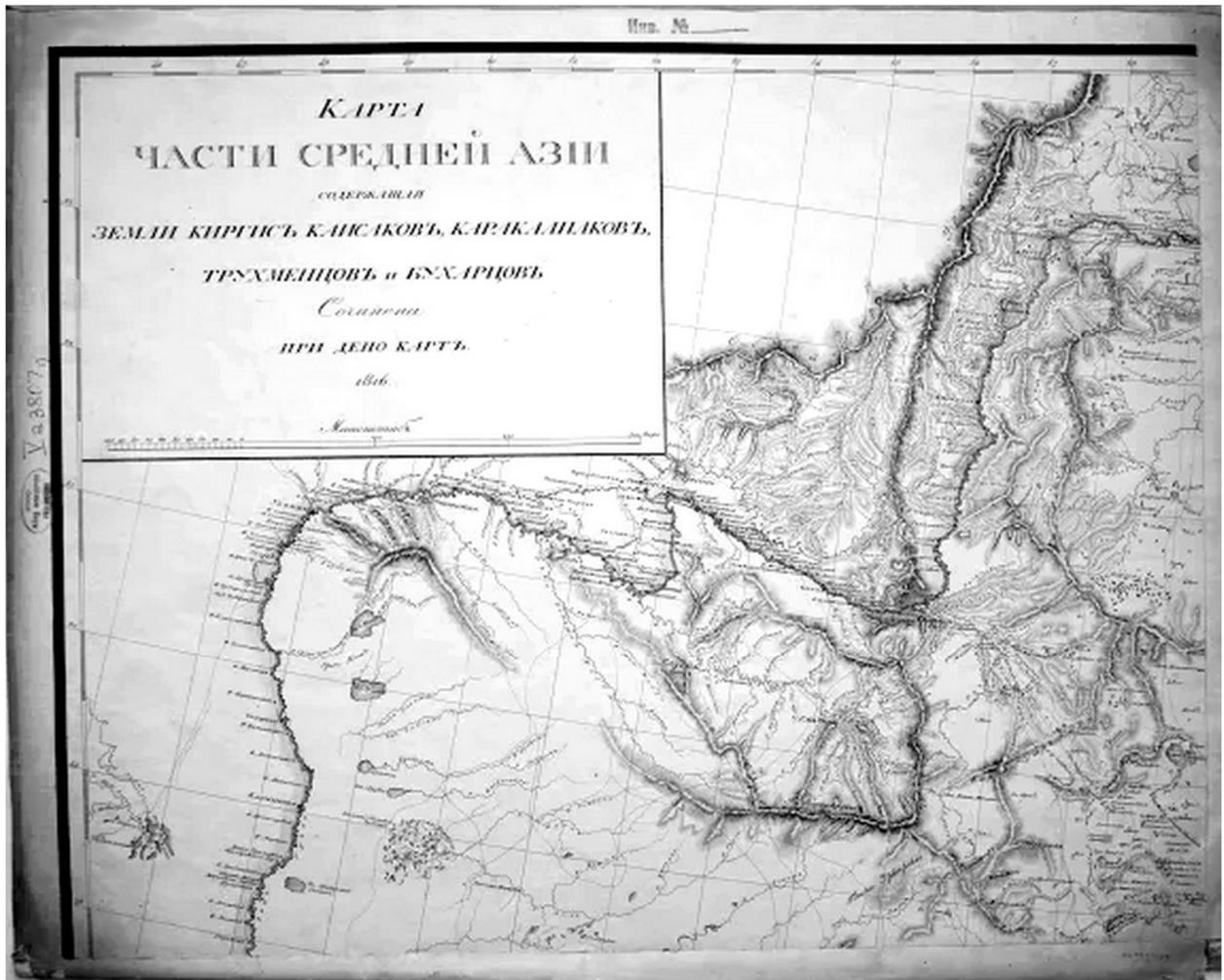
¹ См.: Бларамберг И.Ф. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган // Записки РГО. 1850. Кн. IV. С. 83–84.

² Там же.

³ Там же. С. 75–76.

⁴ Бларамберг И. Воспоминания. М.: Наука, 1978. С. 331–332. По всей видимости, здесь идет речь о тех же скульптурных памятниках, описание которых впервые приводит топограф подполковник Алексеев: они были обнаружены им на бугре Козыбай-Торткуль в «43 верстах к юго-востоку от развалин укр. Ново-Александровского» (Первые русские научные исследования Устюрта... С. 264–265); причем их местонахождение примерно совпадает с локализацией древних «сарматских» (дахо-массагетских) святилищ – также с обломками скульптур, изваяний (Карамонке и др.), исследованных в последнее время археологами. Обнаружение этих памятников топограф датирует 1851 г., в то время как Бларамберг – на несколько лет позже. Видимо, последний в своих «Воспоминаниях» имеет в виду дату первой публикации одного из отчетов Алексеева в «Вестнике РГО» (1855, ч. 15, разд. 5).

⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 1331. Оп. 2. Ед. хр. 93: Карта части Средней Азии, содержащая земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, тухменцев и бухарцев. Сочинена при Депо карт. [СПб.], 1816. [1 : 2100000]. 5 л. в общ. рамке. 36×45 (см).

Карта части Средней Азии, содержащая земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, трухменцев и бухарцев. Сочинена при Дено карт. [СПб.], 1816.

Несмотря на определенное несовершенство карты с точки зрения географической, на ней отмечены отдельные памятники и достопримечательности, которые можно локализовать, но следует отметить, что источник отражает состояние изученности памятников Арало-Каспия на период 2-й половины XVIII в. Представляет интерес первичный анализ историко-культурных объектов, указанных на карте:

1. «Ханская могила» к юго-юго-востоку от Оренбурга (на р. Бердянке, в районе совр. пос. Смирновка). Как известно, где-то здесь или несколько западнее (в районе совр. г. Соль-Илецка) была захоронена ханша Бопай – супруга Абулхаир-хана. (Следует отметить, что в 40-х гг. XIX в. здесь размещался форпост «Ханский», где останавливался на ночлег караван миссии полковника Данилевского в Хиву. Сообщающий об этом участник экспедиции Ф.И. Базинер¹ ничего не говорит о Ханской могиле)²;
2. «Развалины» на левобережье р. Илек (также за пределами совр. территории Казахстана), у впадения речки «Мечетная» – очевидно, в районе нынешнего пос. Акоба Оренбургской обл.;
3. «Развалины каменной мечети» на р. Ори –памятник, упоминавшийся в первой части данной статьи при характеристике материалов Гладышева – Муравина и Фалька;
4. «Развалины древнего молитвенного храма» у оз. «Кошена Куль» – это известный мавзолей Кесене на территории совр. Челябинской обл.;
5. «Мог. Баксайта» на р. «Бакшайта» (видимо, Баксайыс, приток Ыргыза) – в районе совр. пос. Аралтобе Айтекебийского р-на Актыубинской обл.;
6. «Мог. Биш Мула» на левом бер. р. Ыргыз – могилиник Бесмола к югу от совр. пос. Киров Ыргызского р-на Актыубинской обл.³;
7. «Зимнее ханское жилище (жилище)» в северной части песков Тайсойган (по Я.П. Гавердовскому, затем А.И. Левшину⁴, здесь в конце XVIII в. предполагалось строительство поселка для хана Есима и членов ханского совета, которое не было осуществлено);
8. «След бывшей караванной дороги, называемой ныне Ногайской». На этом пути отмечены следующие объекты: «каменные развалины бывшего Татарского Города» – г-ще Сарайшык; «каменный мост через р. Горькую (Сагыз)» – известный памятник, каменный брод (и каравансарай) Таскешу; «каменные развалины Кайнар» – у кол., источника на речке Кайнар, к юго-востоку от предыдущей точки; «каменные развалины Баканчин» – видимо, в районе кладбища Бакашы-аулие; «каменные развалины и солоноватые ключи Учукан» – памятники в районе известного некрополя Ушкан-ата; «развалины трех каменных укреплений, стены коих еще целы» на северо-западной оконечности Устюрта – показаны несколько восточнее Ногайской дороги; возможно, это крепости, отмечавшиеся Гербером и Рукавкиным (см. выше); «развалины Куптам. Два колодца, выкладенные камнем» – развалины Коптам/Ногайлы; «каменная развалина Блявули. Колодцы Блявули» – известный комплекс Белеули на Устюрте (каравансарай, сардобы и др.); «развалины Барсакельмес» на острове в одноименном соре – показаны немного в стороне от дороги; «Бутки или башни из белого камня», построенные неким «Кари-ханом» (всего их 12, согласно синхронным источникам: Величко) – сигнальные башни в южной части восточного чинка Устюрта;
9. «Развалины Энгубай» – в низовьях Эмбы, левый берег;
10. «Каменные развалины Мечети Берды» у впадения р. Темир в Эмбу (в «Атласе Каспийского моря» Колодкина (л. № II) это место поименовано более точно: «Кам. раз. меч. Мавлют(б)ерды») – видимо, это комплекс, некрополь Маулимберды;

¹ Федор Иванович Базинер (1817–1862) – ботаник-садовод; доктор философии. (Прим. ред.).

² См.: Савельев П.С. Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву // Географические известия РГО. 1849. Вып. 4. С. 159.

³ В опубликованной ранее первой части нашей работы отмечалось, что некоторые из памятников, упоминаемых в источнике (могилиник Бесмола, кладбище Мэни-эулие), обследованы нами в 1980-х гг. (см.: Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002. С. 27 (объекты № 380, 384); более подр. см.: Он же. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия. Сб. статей. Вып. 1. Алматы, 2001. С. 160, 171 – карта (объекты № 32, 43)). В частности, поясное изваяние, упоминаемое Гавердовским в урочище Бесмола («истукан с совершенно калмыцким лицом»), было утрачено – а именно, вывезено с бейита во 2-й половине 1970 г. («чтобы отправить куда-нибудь в музей»), но по неосторожности оказалось сброшенным в реку Ыргыз в районе пос. Киров (Материалы экспедиции 1984 г.). В целом же укажем, что локализация и идентификация многих объектов (как исторических, так и ландшафтно-географических), отмечаемых участниками экспедиции 1803 г., затруднена – прежде всего вследствие изменений в топонимической номенклатуре, произошедших за последние 150–200 лет, а также, думается, по причине разрушений многих памятников архаичного периода.

⁴ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007. С. 403; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 276–277.

11. «Развалины старой Аба Бухачи» на левобережье средней Эмбы, напротив впадения речки «Санжига Булак» – название памятника здесь, возможно, ошибочное и связано с именем комплекса Бакашы в низовьях Эмбы. Отметим, что в районе указанной на карте точки находятся крупные мемориально-культурные комплексы Даумшар и Карасакал;
12. «Гора круглая тоже Ханская, где выбирались прежде ханы» между Эмбой и Устюртом («гора Чин или Туман тау») – судя по тому, что рядом указаны «ключи» (родники), это большая гора Канторткуль;
13. «Развалины Аба» (видимо, большого кургана), к юго-западу от предыдущего объекта;

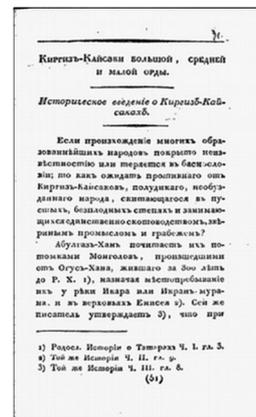
14. На южную локализации данного топонима указывает и упоминание «кладб. Чулук-Кушчи» в публикации «Киргиз-кайсаки большой, средней и малой орды», авторами которой являлись Г.И. Спасский, И.Г. Андреев¹, П.К. Фролов², где указывалось, что часть «чумишли-табынского рода» кочует при этом «кладбище»³. Это в большей степени соответствует историко-этнографической действительности, а именно более южному, а не северному, зимнему проживанию устюртских табынцев. Указание данного объекта карты, с одной стороны, на севере от песков Борсыккум, с другой – на северо-западе Устюрта, возможно, подразумевает наличие здесь другого объекта, которым может являться старинный некрополь Кошкар-ата, расположенный между Борсыккумами и Северным Устюртом (Донызтау).

Среди изданий первых десятилетий XIX в., посвященных географии, истории и этнографии Казахстана, несомненно, первостепенное значение имеет многоплановый труд А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей...», изданный в 1832 г.⁴. Помимо всего прочего, в этой обобщающей работе целенаправленное внимание уделяется недвижимым памятникам Казахской степи и в 1-й ее части «Известия географические» помещена особая глава «Развалины», в которой дано краткое описание некоторых археологических древностей региона, отдельных архитектурных памятников казахов, в том числе размещенных в Арало-Каспийской зоне (мавзолеи «Байтака», Кесене, старинные кладбища, «город Мавли-Берди», каравансарай по трассе Старой Ногайской дороги, крепость Даулеткерей и др.)⁵. Кроме того, в различных местах издания разбросана дополнительная информация о степных памятниках, поселениях и т.п.⁶.

Необходимо отметить, что на авантюлах всех трех частей труда Левшина помещен интересный

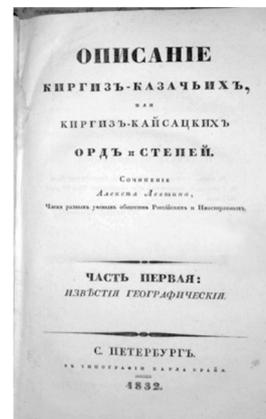
Григорий Иванович Спасский (1783–1864), историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Петербургской академии наук, основатель первого в России краеведческого журнала «Сибирский вестник»

Первая страница начала публикаций труда Г.И. Спасского «Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой орды» в «Сибирском вестнике» (1820, ч. 9)

Алексей Ираклиевич Левшин (1798–1879), этнограф, историк, писатель; сотрудник Оренбургской пограничной комиссии; член-учредитель Императорского Русского географического общества; впоследствии – член Государственного совета

Титульный лист первой части («Известия географические») труда А.И. Левшина «Описание киргизказацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей...» (СПб., 1832)

¹ Иван Григорьевич Андреев (1744–1824) – военный инженер-топограф, краевед, этнограф, писатель, востоковед. (Прим. ред.).

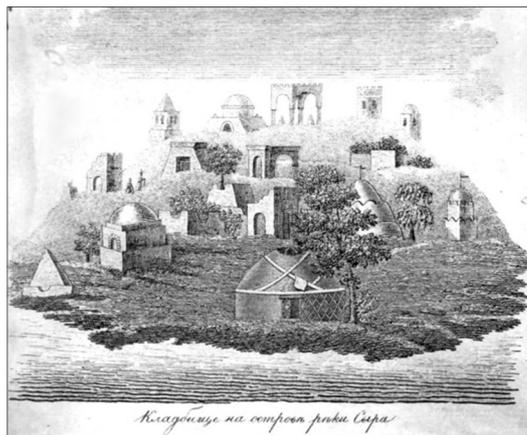
² Пётр Козьмич Фролов (1775–1839) – горный инженер, изобретатель и организатор горнозаводского производства на Алтае, томский губернатор (1822–1830). (Прим. ред.).

³ См.: [Спасский Г.И.] Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой орды // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9. С. 104 (118).

⁴ Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. Известия географические; Ч. II. Исторические известия; Ч. III. Этнографические известия. СПб., 1832

⁵ См.: Там же. Ч. I. С. 202–214.

⁶ См., напр.: Там же. Ч. I. С. 108–109, 180–183, 190–191; Ч. 2. С. 184–187, 234, 281, 316; Ч. 3. С. 25, 113, 114.

Авантитул «Описания киргизказачьих, или киргиз-кайсацких, ордъ и степей...» А.И. Левшина (СПб., 1832) (слева) и его фрагмент – гравюра с изображением «кладбища на острове реки Сыра» (справа)

вердовского 1803–1804 гг. и не обнаружен в основных архивных документах¹. Тематически рассматриваемый рисунок, несомненно, близок и вышеуказанной зарисовке купца Е. Кайдалова. Данная картинка (у Левшина), на которой изображены самые различные типы мемориального зодчества, с одной стороны, говорит об особой насыщенности памятниками низовьев Сырдарьи, но, с другой стороны, представляется неким обобщенным изображением казахской надмогильной архитектуры. И, в частности, помещенный на переднем плане однокамерный купольный мавзолей с деревом справа от входа, весьма напоминает образ памятника хана Абулхаира по описанию Н.П. Рычкова 1771 г.²

Думается, тема казахских памятников была достаточно хорошо знакома А.И. Левшину, который в бытность его работы в Оренбурге в начале 20-х гг. XIX в. неоднократно выезжал в степь. Наряду с этим он активно использовал труды многих предшественников – П.И. Рычкова, П.С. Палласа, И.П. Шангина, Я.П. Гавердовского и др., – ценные сведения Оренбургского архива, материалы дипломатической миссии А.Ф. Негри (через низовья Сырдарьи), экспедиции Ф.Ф. Берга (на Устюрт) и т.д. Так, при характеристике памятников старой Ногайской дороги Левшин, как видно, использовал описание этого пути, составленное в начале века в Оренбургской таможне. Таким образом, в данном труде подводятся определенные итоги изучения недвижимых памятников Казахской степи, находят обобщение сведения о них, накопленные в течение XVIII – начала XIX вв. и разбросанные в различных, нередко малоизвестных, источниках. В этом заключается значение этой работы для истории казахского памятниковедения. (Труд А.И. Левшина был переиздан уже в наше время³; комментарий к главе «Развалины» был составлен автором настоящей статьи).

Несмотря на то, что вышеуказанный труд в определенном смысле является этапным для рассматриваемой нами темы, тем не менее, освещение истории изучения казахских памятников в 1-й половине XIX в. мы ограничиваем временем образования Русского Географического общества (РГО, 1845 г.). Однако такая хронология, по большей части, является условной и принята нами, прежде всего, для удобства структуризации очерка: еще долго после этой даты тема памятников, архитектурного наследия Казахской степи все еще оставалась предметом попутного, нередко дилетантского, интереса, но не научного, системного исследования. Что же касается периода 30-х – начала 40-х гг. столетия, то отдельные публикации и исследования этого времени заслуживают упоминания (кроме уже освещенных выше).

В 1835 г. в «Энциклопедическом лексиконе» князь Дм. Эристов поместил статью об Абулхаирхане⁴, в которой впервые после Н. Рычкова привел данные о памятнике на его могиле на р. Олькейек,

¹ Данный рисунок, как и другие, упоминаемые в материалах настоящей экспедиции, имеют важное значение для рассматриваемой темы, но они, к сожалению, не опубликованы в известных нам изданиях. При доработке данного варианта статьи автором, с целью их поиска, был специально осуществлен просмотр материалов экспедиции Я.П. Гавердовского, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве в г. Москве (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19208, 19209: микрофильмы), который не дал никаких новых результатов. Таким образом, по-прежнему не имея возможности судить о содержании и даже наличии этих иллюстративных материалов в других архивах, отметим, все же, что указанный С. Большим рисунок кладбища на Сырдарье весьма напоминает нам сюжет аналогичной зарисовки, помещенной в труде А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких ордъ и степей. Ч. I–III» (СПб., 1832). Возникает вопрос: не был ли заимствован последний из материалов ранней экспедиции?

² См.: Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 г. СПб., 1772. С. 44.

³ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, ордъ и степей. Алматы, 1996.

⁴ Князь Дмитрий Алексеевич Эристов (Эристави-Арагвский; 1797–1858) – генерал-аудитор Российского императорского флота, литератор, автор очерков биографического и исторического характера; Абулхаир хан (Абулхайыр Мухаммед Гази бахадур хан, 1693–1748) – первый хан Младшего жуза (1718–1748) (Прим. ред.).

причем отличные от ранних сведений. В частности, указывается:

«...Памятник Абулхайра сложен из сероватого кирпича, и имеет вид усеченного конуса, накрытого полушаром. Вышина его аршина четыре, поперечник при основании сажени три. В вершину полушара, воткнуто, по обыкновению, копые, обвешанное разными лоскутьями, ложками, чашками, конскими хвостами и узелками с пшеном. При совершении ежегодной тризны, копые вынимается, в ямку кладут снеди и мясо, вешаются новые лоскутья, и копые опять ставится на свое место...»¹.

Описание, в сравнении с рычковским, весьма противоречиво, отмечено некоторыми специфическими деталями, косвенно свидетельствующими о посещении кем-то кладбища в конце XVIII – начале XIX вв., хотя источник сведений остается неясным².

Определенное значение для нас имеют также наблюдения горных инженеров майора Е.П. Ковалевского (впоследствии известного путешественника, писателя, дипломата) и капитана А.Р. Гернгросса³, обследовавших с геологической целью осенью 1839 г. отдельные участки пространства от Оренбурга на юго-восток до песков Улы Борсыккум («Большие Барсуки») ⁴. Проявляя определенный интерес к памятникам, исследователи также отмечают их значение как «указателей пути ... где нет живых урочищ» и обращают, прежде всего, внимание на каменный материал степных древностей, создание которых относят не ранее эпохи Чингисхана: «развалины Узун-Там на Сагызе», «остатки, едва приметные, укрепления на Чинке», развалины «Таш-Кичу» и др. Многие суждения авторов носят литературное происхождение (Левшин и др.), но кое-где, возможно, перемежаются с личными наблюдениями⁵. Что касается, собственно, казахских памятников, представляющих собой «могилы из глыб камней, сложенных пирамидально, или нагроможденных неправильными курганами», то они напоминают «чудские могилы» и до сих пор воздвигаются в степи. Кроме того, авторы отмечают использование «правильно отделенных плит» песчаника на «киргизских могилах», очевидно имея в виду уже архитектурные сооружения из опиленных блоков, но, к сожалению, не описывают их⁶.

Данная изыскательская поездка в общем плане была связана с задачами большой военной экспедиции – Хивинского похода 1839–1840 гг. под командованием В.А. Перовского, который, как известно, завершился крайне неудачно. Да и сам маршрут Ковалевского – Гернгросса оказался сокращенным, не достиг многих своих целей (в т.ч. Бухары), а его участники были блокированы казахами в песках Улы Борсыккум, некоторое время находились задержанными в одном из аулов рода шекты, откуда вынуждены были бежать в Акбулакское (Чушкакульское) укрепление⁷. Участники же самой Хивинской экспедиции (среди них было немало образованных офицеров) – которая дошла только до вышеуказанного пункта на северо-восточной оконечности

Первая страница статьи Е.П. Ковалевского и А.Р. Гернгросса «Описание западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи» («Горный журнал», 1840, ч. IV, кн. 12)

¹ Э[ристов]. Дм. Абулхайр // Энциклопедический лексикон. Т. 1. СПб., 1835. С. 54.

² Некоторые исследователи считают, что здесь приводятся ранние данные о могиле Абулхайр-хана, до посещения ее Н. Рычковым (см.: Бекназаров Р. Захоронение Абулхайр-хана: мифы и реальность // Актюбинский вестник. 2007. № 83–84).

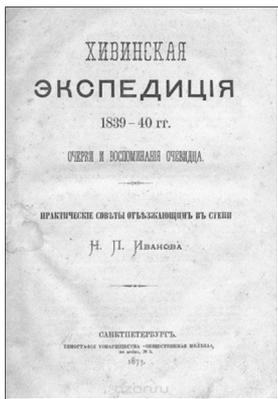
³ Егор Петрович Ковалевский (1809, по другим сведениям 1811–1868) – путешественник, писатель, дипломат, востоковед, почётный член Петербургской Академии наук; Александр Родионович Гернгросс (1813–1904) – горный инженер, с 1861 генерал-лейтенант, в 1855–1861 директор Департамента Горных и Соляных Дел. (Прим. ред.).

⁴ В этой поездке принимал участие в качестве переводчика будущий известный востоковед В.В. Григорьев, который затем участвовал в этом же качестве и в экспедиции Данилевского–Базинера в Хиву. Эти и другие выезды в Казахскую степь, последующая работа в Оренбурге дали ученому возможность достаточно хорошо ознакомиться с этнографией казахского народа, в том числе и с памятниками народной архитектуры, по которым он имел достаточно определенные, компетентные суждения, но специальной работы, к сожалению, не издал.

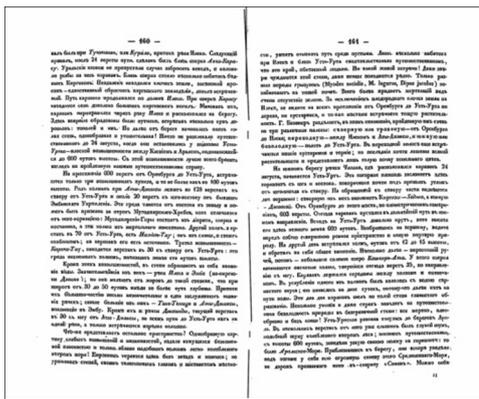
⁵ См.: Майор Ковалевский 2-й, капитан Гернгросс 2-й. Описание западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи // Горный журнал. 1840. Ч. IV. Кн. 12. С. 333–334. Видимо, вследствие этого в работе имеют место отдельные общие места, неясности. В частности, некоторое сомнение у нас вызывает информация о памятнике «Мен-Эвлия» («Мен-Авлия»), вызывающем ассоциации с известной уже тогда горой со святыней Мәни-зулие на Ыртызе, но локализуемому путешественниками, почему-то, в другом географическом контексте: значительно западнее, в верховьях р. Атыжаксы на юге Мугоджаров.

⁶ Там же. С. 334, 337.

⁷ Здесь нельзя не упомянуть об уникальной встрече и знакомстве Е.П. Ковалевского с выдающимся казахским поэтом, одним из руководителей повстанческого движения в Северном Прикаспии Махамбетом Отемисулы («Мугамет Эвтемишев»), к которому россиянин проникся симпатией и о котором написал: «...Во время пребывания нашего в аулах мы встретили киргиза, чрезвычайно замечательного в кругу своего народа»; и далее: «[он] умел искусно вывести разговор из колеи обыкновенных предметов и в короткое время обнаружить весь свой ум и красноречие». В этот период (после подавления восстания, убийства Исатая Тайманулы летом 1838 г.) поэт-бунтарь скрывался от царской администрации в районах Северного Устюрта и, как видим, в Борсыккумах. В беседах с русским путешественником заметно сложное психологическое положение, одиночество Махамбета, долгое время находившегося вдали от родных аулов и семьи, потерявшего своих соратников; проглядывается (в контексте изложения Ковалевского) желание искать поддержки среди образованных представителей русской администрации (см.: Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Т. 1. СПб., 1843. С. 81–96). Следует отметить, что в этих же аулах находился тогда и известный батыр Есет Котебарулы.

Титульный лист книги Н.П. Иванова «Хивинская экспедиция 1839–40 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи» (СПб., 1873)

Разворот статьи П.С. Савельева «Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву» («Географические известия, выдаваемые от Русского географического общества, 1849, вып. 4) с описанием долины Илека и упоминанием расположенных там «киргизских могил»

Титульный лист книги Н.П. Иванова «Хивинская экспедиция 1839–40 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи» (СПб., 1873)

Титульный лист книги Н.П. Иванова «Хивинская экспедиция 1839–40 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи» (СПб., 1873)

Необходимо отметить, что с 30-х гг. XIX в. – в связи с началом перехода казахов Букеевской Орды к полусоседности и созданием ханом Жангиром Ханской ставки в песках Нарынкум – в русской периодической печати появляются сведения об этом поселении и казахском домостроительстве данного района.

¹ См.: Иванов Н.П. Хивинская экспедиция 1839–40 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи. СПб., 1873. С. 18.
² Иванов Николай Павлович (1810–е?) – выпускник Неплюевского военного училища (1833), впоследствии военный историк. (Прим. ред.)
³ См.: Савельев П.С. Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву // Географические известия, выдаваемые от Рус. геогр. об-ва. 1849. Вып. 4. С. 157–171; Вып. 5. С. 206–212.
 Павел Степанович Савельев (1814–1859) – археолог, востоковед-арабист, нумизмат, член-корреспондент Петербургской академии наук. (Прим. ред.)
⁴ Савельев П.С. Путешествие г. Базинера... Вып. 4. С. 160, 162.
⁵ См.: Величко П.Е. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости (1803 г., с примечаниями В.В. Григорьева) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 179–205.
 Павел Елисеевич Величко (1757–1821) – смотритель (с 1779) Оренбургской таможи, с 1806 начальник Оренбургского таможенного округа (таможни). (Прим. ред.)
⁶ Это мнение исследователя («Nach meiner Meinung sind diese Schanzen ehemals Karawanserei gewesen und deshalb mit jenen rughamenartigen Thürmen versehen, damit man sie schon aus der Ferne erblicken könne») – von Basiner T.J. *Op. cit.* S. 89; цит. по: Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978. С. 276) вполне согласуется с современной точкой зрения на этот вопрос. Археологическими исследованиями доказано, что эти каменные постройки юго-восточной части Устюрта являлись сигнальными башнями эпохи средневековья (см.: Древняя и средневековая культура... С. 273–276)

Устюрта – возможно, также фиксировали встречавшиеся на пути отряда из Оренбурга казахские памятники и записки их требуют дополнительного исследования. Здесь, в частности, отметим, что один из них, Н.П. Иванов, говоря в своих воспоминаниях о неких перспективах оживления торговых путей в Хиву (Азию) и необходимости исследования пустынных пространств между Аралом и Каспием, обосновывает это тем, что «...ближайшее рассмотрение памятников зодчества, уцелевшим от времени прежнего блеска, по дороге между нижним концом Аральского моря и Каспийским, уже было бы ученым достижением [т.е. важным результатом – С.А.]» подобной экспедиции¹. Таким образом, участники того похода знали о существовании на Устюрте крупных памятников – таких как каравансарай Белеули и др.

Несмотря на неудачи, некоторые российские экспедиции достигали Хивы и благополучно возвращались обратно – таковой была миссия подполковника Г.И. Данилевского 1842–1843 гг., в которой участвовал натуралист Ф.И. (Теодор Фридрих Юлиус) Базинер. Он сообщает попутные и отрывочные сведения об отдельных памятниках по маршруту путешествия из Оренбурга в южное ханство через Устюрт в отчете, который был издан на немецком языке в 1848 г.², а затем изложен в публикации ориенталиста П.С. Савельева³. Так, в долине Илека, при озерке Карасу (к СЗ от совр. ст. Акбулак) автор отмечает «семь довольно больших киргизских могил», но затем лишь на Устюрте упоминает несколько примечательных древностей вдоль восточного чинка: «старинное укрепление Девлет-Герай», «следы стены» (остатки городища) и «четырехугольная башня из известкового камня, имеющая форму усеченной египетской пирамиды» на мысе Урга (сигнальная башня), с указанием ее размеров⁴. Ученый отмечает, так же как и П.Е. Величко⁵ (или вслед за ним): таких башен на плато до двенадцати и указывает, что «киргизы приписывают» их сооружение Бековичу-Черкасскому. С последним автор не согласен и считает эти сооружения «остатками старинных караван-сараяев», где данные башни играли роль ориентиров⁶. Добавим, что на юго-восточной оконечности Устюрта, к северо-западу от Куны-Ургенча, исследователь фиксирует развалины 2-х городищ, основание одного из которых «также приписывают» Бековичу (по всей видимости, это археологический памятник Айбугиркала или Джанпък).

Необходимо отметить, что с 30-х гг. XIX в. – в связи с началом перехода казахов Букеевской Орды к полусоседности и созданием ханом Жангиром Ханской ставки в песках Нарынкум – в русской периодической печати появляются сведения об этом поселении и казахском домостроительстве данного района.

Одной из первых публикаций об этом была опубликованная в издании «Заволжский муравей» статья М. Сабанщикова, который посетил Орду в мае 1830 г. и образно охарактеризовал новую усадьбу хана, как «уединенный замок ... среди дикого пространства степей». В описании говорится:

«Это довольно огромный, красивый, но без дальнего великолепия причудливой архитектуры, деревянный дом на каменном фундаменте, с мезонином, на пространстве 10 сажен в ширину и 15 в длину, с тридцатью большими окнами в фасу... Полуциркулярное парадное крыльцо и фронтон над оным, поддерживаемый шестью колоннами, составляют весьма приятный вид. По обе стороны дома находятся два красивые флигеля; внутри двора множество служб, и все оные строения замыкаются садом, образующим собой прекрасный амфитеатр...»¹.

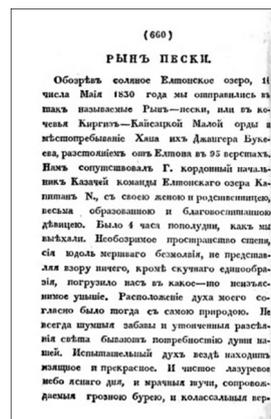
Далее путешественник рассказывает об интерьере дома, мебели и др. деталях, причем отмечает, что поселение в это теплое время сочеталось с традиционным жилищем кочевников – юртой².

Весной 1834 г. во время своего путешествия по южнорусским степям Ханскую ставку посетил химик Карл Гебель (Гёбель), который также особо отметил новое жилище хана Жангира, которое состоит «из выстроенного со вкусом деревянного дома, с несколькими флигелями для приближенных к нему лиц и султанов». Он кратко описал помещения дома, частично убранного и меблированного «в европейском вкусе»; обратил внимание, что правитель Орды самолично совершал вечерний намаз «в большой зале», поскольку «мечети еще не было, но хан предполагает ее выстроить»³.

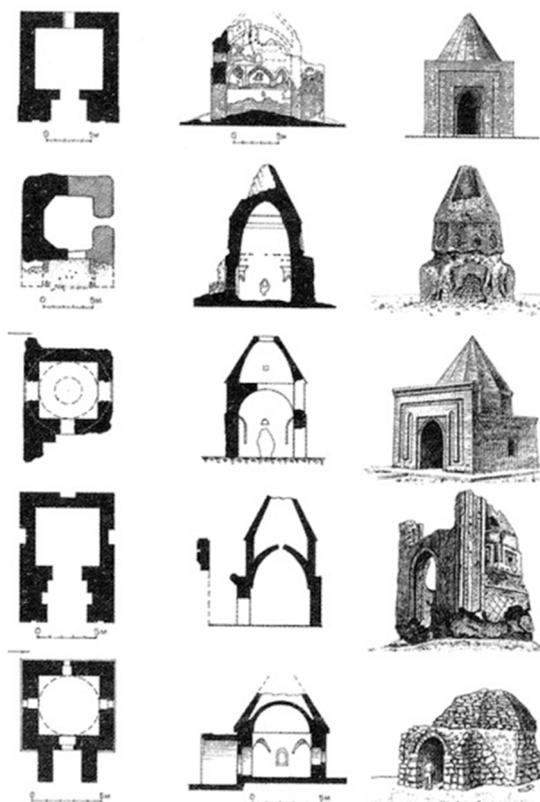
После этого Гебель посетил также и развалины «старинного татарского города Сарайчика», о котором писал:

«... [он] должно быть, весьма внушительных размеров, о чем свидетельствовали довольно крупные останки городских стен и курганов. От самих руин не осталось практически ничего, разве что огромного помещения, чьи стены возвышались над степью на одну, а кое-где и даже полторы сажени, развалин давней каменной кладки, старых, зачастую в остатках синей и зеленой глазури, камней и древних татарских руин. Кирпичи из стен казаки использовали для сооружения других построек, а старые монеты и другие антиквариаты ни на месте, ни у казаков уже не сохранились, останки древнего города первоначально были сильно изрыты в надежде найти сокровища, да и найденное долго не сохраняли – проезжие сразу спрашивали о старинных находках...»⁴.

Естествоиспытатель не преминул произвести раскопки на городище и, по всей видимости, раскопал остатки древнего мавзолея, где находились костные останки 3-х захоронений по мусульманскому обряду («старинные ценности и монеты при этом захоронении обнаружены не были»). По не совсем ясному краткому описанию исследователя этого мавзолея (или склепа?), «хранилище сохранило свою целостность, гладкое и белое, оно было в середине высотой в двенадцать шагов и образовывало правильный квадрат шириной в двенадцать шагов...»⁵.

Первая страница статьи М. Сабанщикова «Рын пески» («Заволжский муравей», 1832, ч. 2, № 12)

Мавзолеи Золотой Орды, XIII-XIV вв. (по: Измаилов И., Хамидуллин Б. Ислам в Золотой Орде. Казань, 2008)

¹ Сабаншиков. Рын пески // Заволжский муравей. 1832. № 12. С. 662–663/

² Там же. С. 670, 672.

³ Гебель К. Поездка в Ставку Джангира Букеева, хана Внутренней киргизской орды // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы, 2002. С. 831–835.

⁴ Цит. по: История и культура Атырау в русских источниках (XVIII–XX вв.). Т. 1 / Сост. М.К. Кипиев; научн. ред. Ж. Шалгынбай. Атырау, 2014. С. 279.

⁵ Там же. С. 291.

Первая страница статьи Я.В. Ханькова «Очерк состояния Внутренней Киргизской Орды в 1841 году» («Записки РГО», 1847, кн. 2)

Таким образом, в этот период появился новый ареал исследовательского интереса российских путешественников в Казахской степи, представленный территорией Букеевской Орды и Ханской ставкой, сведения о которых (в том числе и памятниках, достопримечательностях) появляются в различных изданиях. В частности, уже в 1841 г. географ Я.В. Ханьков свидетельствует о наличии в Ставке, наряду с ханским домом с флигелями, службами и мечетью, 41-го дома, которые принадлежали казахам, татарам, русским. Кроме того, он указывает что имеется «несколько глиняных и бревенчатых изб, разбросанных в Рын-песках и близ Каспия», отмечая «между ними замечательнейшие». Причем перечисление наиболее выдающихся домостроений говорит о том, что этих построек в букеевской степи было значительно более чем «несколько»¹. Добавим к этому, что автор под инициалами М-Б. (видимо, посетивший Ханскую ставку в самом конце 1843 г.) указывает на достоинства «мечети хана Джангера, отличающейся весьма красивою архитектурою и выстроенной им по собственному его плану»².

В заключение отметим, что для нашей темы определенное значение имеют и фиксации отдельных памятников и на территории Хивинского домена (низовья Амударьи), где в Новое время, наряду с другими кочевниками, расселялись и отдельные казахские рода (преимущественно в зимний период). Например, в большой статье «Сведения о Хивинском Ханстве», вышедшей в 1843 г., указывается, что на острове Токмак-ата (в Аральском море, напротив устьев Амударьи) имеется почитаемая хивинцами могила одноименного святого. Отмечается, что «в окрестностях Хивинского Ханства находится много развалин», среди которых особое внимание привлекают постройки «бывшего города Куня-Ургенча»: мечеть, минареты, несколько каменных гробниц (возведенных из жженного кирпича и облицованных изразцами), кладбище. Перечислены развалины и др. древних городов, в том числе на правобережье Амударьи³. (Укажем, что многие из этих выдающихся памятников впоследствии исследованы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Отметим также, что в XIX в. на территории Хивы формировались и казахские некрополи, наиболее крупный из которых – Даут-ата, получил название от имени казахского батыра из рода шомышты – табын).

* * *

Таким образом, мы довели освещение вопроса до времени создания РГО в 1845 г. – условного рубежа в рассмотрении достаточно обширной и разнообразной темы истории казахстанского памятниковедения на материалах крупнейшего Арало-Каспийского региона. Необходимо отметить, что к середине XIX в. было сделано немало в деле изучения древностей, различных недвижимых памятников Казахстана, но накопление знаний в этой области происходило в рамках первоначального, сугубо эмпирического этапа в развитии специфического научно-практического направления. Был собран значительный, весьма ценный, хотя и исключительно разрозненный, фактологический материал (определенная доля старых библиографических и архивных материалов еще не выявлена), имеющий важное значение для истории отечественного памятниковедения. При этом сведения о степных памятниках, как правило, носили фрагментарный, описательный и, в общем-то, ненаучный характер: это в целом соответствовало уровню общественного развития того времени, первичной стадии в становлении археологической, этнографической наук (не говоря уже о зачаточном этапе в развитии историко-архитектурной дисциплины).

Тем не менее, ряд крупных исследователей 2-й половины XVIII – 1-й половины XIX вв. (П.И. Рычков, П.С. Паллас, Я.П. Гавердовский, А.И. Левшин, Г.С. Карелин) осуществили попытки некоторой обобщенной характеристики памятников региона, их «классификации», либо более или менее детального, последовательного их описания, еще весьма редко сопровождавшегося столь важной графической фиксацией. Усилиями этих российских авторов тема памятников, «древностей и развалин» малоисследованной еще степной страны постепенно вычленилась из общей историко-этнографической и

¹ См.: Ханьков Я.В. Очерк состояния Внутренней Киргизской Орды в 1841 году // Записки РГО. 1847. Кн. 2. С. 38.

Яков Владимирович Ханьков (1818–1862) – географ, картограф; оренбургский губернатор (1851–1856). (Прим. ред.).

² См.: М-Б. Праздник в Ставке хана Внутренней киргизской орды Джангера // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов. Алматы, 2002. С. 830. Следует также указать, что уже во 2-й половине 40-х гг. XIX в. и позднее (то есть после смерти хана Жангира) появляется ряд довольно подробных публикаций о Ханской ставке и Букеевской Орде – в частности, специальная статья М.Я. Киттары «Ставка хана Внутренней киргизской орды» (Журнал Министерства внутренних дел. 1849. Ч. 28). Однако рассмотрение этих материалов выходит за хронологические рамки нашей статьи.

³ См.: Сведения о Хивинском ханстве // Журнал мануфактур и торговли. 1843. Ч. 2. С. 91–92, 115–117.

географической тематики и стала предметом дальнейшего изучения и фиксаций, основой становления в будущем особого исследовательского направления. Постепенно обретала свои специфические черты и рамки и сама тема самобытных «казахских памятников» – в первую очередь кладбищ, надгробных сооружений, «могил», которые, по признанию многих путешественников, являлись прекрасными ориентирами в «Киргизской степи» и находили некоторое отражение в картографических материалах.

Неотъемлемой особенностью этих ранних фиксаций степных древностей был их попутный характер, когда они, в основном, имели вид упоминаний, кратких, обычно непрофессиональных, дилетантских описаний и т.д. Специальные исследования памятников – вроде поездки Палласа на мавзолей Кесене – были исключительно редким явлением. При этом архитектурные сооружения, археологические объекты зачастую фиксировались в ходе военных (военно-изыскательских, «военно-научных») экспедиций, торгово-дипломатических миссий и т.п. Необходимо отметить, что начиная с XVIII в. это, преимущественно попутное, казуальное, изучение памятников Казахской степи, «древностей и развалин» осуществлялось в лоне стратегической колониальной политики Российской империи в регионе, а их фиксация охватывала не очень широкие «эшелоны» 2–3 основных маршрутов, трасс: из Оренбурга, Астрахани (Северного Прикаспия) в направлении Хивы и Бухары. Специального исследования памятников не проводилось, поскольку подобной задачи перед участниками таких военно-изыскательских мероприятий не ставилось, но как важные путевые ориентиры в итинерариях¹ они отмечались почти всегда.

Вместе с тем, многие группы, нередко весьма значительных памятников Арало-Каспийского региона, находившиеся за пределами магистральных маршрутов экспедиций, оставались вне поля зрения «путешественников» и долгое время оставались неизвестными. Например, нам не известны упоминания до середины XIX в. такого монументального сооружения, как «башня Балгасын» на севере песков Борсыккум или крупнейшего некрополя Карасакал на средней Эмбе и т.д. Кроме того, исследователи Западного Казахстана этого периода (несмотря на то, что среди них было немало образованных военных специалистов) не могли еще по достоинству оценить замечательные памятники камнерезного зодчества манкыстау-устюртского района, многие самобытные образцы которых существовали уже в 1-й половине XIX в. Более или менее адекватная оценка самобытной народной архитектуры казахов, которая начала переживать свой расцвет в середине этого столетия, была делом будущего, причем весьма нескорого. Целенаправленное изучение, фиксация «казахских памятников» осуществлялись все еще достаточно слабо, фрагментарно, описательно, систематические же исследования, фактически не проводилось вплоть до начала XX в. – до появления сводных трудов французского исследователя Жозефа Кастанье². Но понимание важности этой необычной темы, носившей, несомненно, прикладное значение в эпоху колониального освоения Казахской степи, к середине XIX в. уже сложилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 19208, 19209.
2. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 1331. Оп. 2. Ед. хр. 93: Карта части Средней Азии, содержащая земли киргиз-кайсаков, каракалпаков, туркменцев и бухарцев. Сочинена при Депо карт. [СПб.], 1816. [1 : 2100000]. 5 л. в общ. рамке. 36×45 (см).
3. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
4. Ажигали С.Е. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия. Сб. статей. Вып. 1. Алматы, 2001. С. 150–183.
5. Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу. (1714–1717 гг.). Библиографическая монография. СПб., 1891.
6. Бекназаров Р. Захоронение Абулхаир-хана: мифы и реальность // Актюбинский вестник. 2007. № 83–84.
7. Берг Л.С. История исследования Туркмении // Туркмения. Т. 1. Л.: АН СССР, 1929. С. 73–121.
8. Блаرامберг И. Воспоминания. М.: Наука, 1978.
9. Бларамберг И.Ф. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган // Записки РГО. 1850. Кн. IV. С. 49–120.
10. Величко П.Е. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости (1803 г., с примечаниями В.В. Григорьева) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 179–205.

¹ Итинерарий (лат. *itinerog, agi* [iter] – путешествовать) – в собственном смысле – жанр латинской христианской литературы, путеводитель, описывающий Святую Землю и её памятники. Здесь: описание территории и расположенных на ней архитектурных памятников. (*Прим. ред.*)

² Жозеф-Антуан Кастанье (Joseph Castagné; Иосиф Антонович Кастанье? 1875–1958) – известный российский археолог и историк-востоковед (прживал в России в 1899–1920, в российском гражданстве в 1913–1917), преподаватель французского языка в Оренбурге и Ташкенте, член Туркестанского отдела Русского Императорского географического общества, участник археологических и этнографических экспедиций, хранитель музея, находившегося под попечительством Оренбургской ученой архивной комиссии, автор исследований по политической истории Средней Азии. (*Прим. ред.*)

11. Г[енс]. Г. Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. (Извлечение из Обозрения Киргиз-Кайсацкой степи Г.Г.) // Сибирский вестник. 1822. Ч. 20. С. 141(321)–148(328).
12. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент, 1978.
13. Записки Ефграфа Кайданова // Оренбургский край. 1894. № 179.
14. Записки Ефграфа Кайданова // Оренбургский край. 1894. № 180.
15. Записки Ефграфа Кайданова // Оренбургский край. 1894. № 182.
16. Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М.: Наука, 1983.
17. Иванов Н.П. Хивинская экспедиция 1839–40 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи. СПб., 1873.
18. История и культура Атырау в русских источниках (XVIII–XX вв.). Т. 1 / Сост. М.К. Кипиев; научн. ред. Ж. Шалгынбай. Атырау, 2014.
19. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: В 10 т. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007.
20. Кайдалов Е. Караван-записки, во время похода в Бухарию Российского каравана, под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах, веденные начальником одного каравана над купечеством Евграфом Кайдаловым: В 3 ч. М., 1827–1828.
21. Карелин Г.С. Путешествия Григория Силыча Карелина по Каспийскому морю. СПб., 1883. (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по общ. географии. Т. 10).
22. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910. (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии; Вып. 22).
23. Кереева-Канафиева К. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Из истории русско-казахских литературных связей. Алма-Ата, 1963.
24. Киттары М.Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды // Журнал Министерства внутренних дел. 1849. Ч. 28. С. 107–196.
25. Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. Т. 1. СПб., 1843.
26. Колодкин [А.Е.]. Атлас Каспийского моря. Сочинен при Чертежной Государственного адмиралтейского департамента с описи и астрономических наблюдений, произведенных с 1809 по 1817 год штурманом 8-го класса и кавалером Колодкиным. М., 1826.
27. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
28. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей: В 3 ч. СПб., 1832.
29. Майор Ковалевский 2-й, капитан Гернгросс 2-й. Описание западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи // Горный журнал. 1840. Ч. IV. Кн. 12. С. 315–346.
30. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.
31. Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, Гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров: В 2 ч. М., 1822.
32. Отрывок из путевых записок по северо-восточным берегам Каспийского моря // Заволжский муравей. 1834. Ч. XI. № 2. С. 228–244.
33. Первые русские научные исследования Устюрта: Сб. материалов / Отв. ред. акад. А.Л. Яншин, Л.А. Гольденберг. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
34. Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 г. СПб., 1772.
35. Сабанщиков М. Рын пески // Заволжский муравей. 1832. Ч. 2. № 12. С. 660–678.
36. Савельев П.С. Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву // Географические известия, выдаваемые от Рус. геогр. об-ва. 1849. Вып. 4. С. 157–171.
37. Савельев П.С. Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву // Географические известия, выдаваемые от Рус. геогр. об-ва. 1849. Вып. 5. С. 206–212.
38. Сведения о Хивинском ханстве // Журнал мануфактур и торговли. 1843. Ч. 2. С. 77–162.
39. [Свиньин П.]. Петр Михайлович Кудряшов, певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей Киргиз-Кайсацких. (С публ. письма Кудряшова Свиньину) // Отечественные записки. 1828. № 100. С. 145–176.
40. [Спасский Г.И.] Киргиз-Кайсаки большой, средней и малой орды // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9. С. 51–78, 93–124, 161–196.
41. Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII веках // Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Труды Историко-археологического института и Института востоковедения. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л.: Изд. АН СССР, 1932. С. 61–88.
42. [Эйхвальд]. Путешествие профессора Эйхвальда к Каспийскому морю и по Кавказскому краю // Библиотека для чтения. 1838. Т. 26. С. 127–212.
43. Э[ристов], Дм. Абулхайр // Энциклопедический лексикон. Т. 1. СПб., 1835. С. 53–54.
44. von Basiner T.J. *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisenstepe nach Chiva*. St. Petersburg, 1848. (Beitrage zur Kenntnis des Russischen Reiches. Bd. 15).

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Ажигали, С. Е. Очерк истории изучения памятников народного зодчества, «древностей и развалин» Арало-Каспийского региона в досоветский период (до середины XIX в.). Часть 2. От дипломатической миссии А.Ф. Негри 1820—1821 гг. до образования Русского Географического общества / С.Е. Ажигали // Пространство и Время. — 2018. — № 1—2(31—32). — С. 88—106. DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11042. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_r_st1_2-31_32.2018.42.